

Алексей КУДРЯШОВ

г. Сокол

Вологодской области

Мемориал
Парель — «Пелагея»
 очерк-расследование

...Это история о Родине и матери, пропажах и потерях, войне и счастье, поисках и призраках. Это история о том, как житель Бабаевского района Вологодской области, до сих пор считающийся пропавшим без вести в Великую Отечественную, нашел свое счастье в Швеции, но на закате жизни мечтает узнать о судьбе мамы, оставшейся на Вологодчине.

* * *

В «Книге памяти Вологодской области» под номером 976в значится рядовой Антонов Николай Тимофеевич 1921 года рождения. Там же указано, что в армию его призвали из деревни Ладышкино Санинского сельсовета Бабаевского района, а в октябре 1941-го он пропал без вести...

Но это неправда. Все неправда, кроме имени-отчества-фамилии, воинского звания да района. Даже год рождения не тот.

Сейчас ему 92. С осени 1944-го он живет в Швеции, и у него – советского солдата, попавшего в плен, а затем служившего в финской армии, но сбежавшего оттуда – другие имя и фамилия.

В Советском Союзе за сотрудничество с союзниками фашистской Германии его ждал бы расстрел, а в лучшем случае – сибирские лагеря.

Найди меня

Он укрылся в тихом местечке, где, согласно официальным данным на 2010 год, всего 241 житель (сейчас, говорят, чуть побольше – где-то полтысячи). Он, конечно, освоил шведский, женился на шведке (любовь всей его жизни, она, увы, сконча-

лась в 1996-м). В 60-х получил шведское гражданство. У них родилось 8 детей, и теперь у него 23 внука и 20 правнуков. Но он никогда не говорил ни с ними, ни с кем-либо еще ни на русском, ни на финском, которым владел свободно, – из опасения, что его могут выследить...

В составленных Министерством внутренних дел Финляндии особых «розыскных» списках он фигурировал с 1945 года. Правда, с разными отчествами: то с настоящим – «Тимофеевич», то «Тихонович», то совсем с экзотичным «Тибинович». А вот фамилия везде не «Антонов», другая – сегодняшняя. В 1951 году кто-то (Министерство обороны СССР?), продолжая искать его, сделал соответствующий запрос в архивы Финляндии. Там подняли упомянутые списки, выяснили, что последний раз Николай Тимофеевич «засветился» в них лишь в феврале 1950 года, и, видимо, решили, что он... умер. Так и ответили. А после смерти Сталина в 1953 году финны и вовсе утратили розыскной пыл... Как бы там ни было, след Николая Антонова потерялся, и долгие десятилетия его никто не тревожил. Но родственники до сих пор боятся за его безопасность, поэтому убедительно просили нас не раскрывать ни его нынешние имя и фамилию, ни название места, где он живет.

Хотя теперь, как он говорит, терять ему уже нечего, жизнь прожита, и прожита, он полагает, достойно. И родственники его считают, что в то трудное время он выстоял – никого не предавал, а просто пытался выжить.

Родная кровь

В декабре 1993 года, накануне своего дня рождения, он, уступая просьбам детей, надиктовал одному из сыновей историю своей жизни. Эта Книга (для печати воспоминания не предназначались, но родные называют эти 36 страниц машинописного текста на шведском именно так – Книга) стала любимейшим чтением внуков, неотъемлемой частью их детства. Поэтому нет ничего удивительного в том, что вторые имена у некоторых из его правнуков такие же, как его настоящее имя.

А одну из его правнучек назвали Мерседес-Пелагея. Пелагея – это в честь оставшейся в Вологодской области его мамы. Девочке всего шесть лет, но она очень гордится, что у нее такое необычное имя...

В «розыскных» списках Министерства внутренних дел Финляндии рядом с его фамилией указаны его якобы «двоюродные сестры» Анна и Лииса Ранталайнен. Друг дружке это действительно сестры, но никакого родственного отношения к нему они не имеют – это соседки по деревне, где он жил в детстве... На самом деле родственница у него была только одна – его мама, оставшаяся в Бабаевском районе. После войны он не решался искать ее сам, боялся даже написать ей – дабы не привлечь к ней внимание НКВД, а потом и КГБ.

Он потерял ее. Но не смирился с этим.

Человек сугубо гражданский, он за годы, прошедшие с той войны, успел переменить много мест работы: и плотничал, и помогал фермерам, и валил лес, и работал на сыроваренном заводе, и строил-чинил дома... Но куда бы ни бросала его судьба, перед глазами у него нет-нет да и возникал тот осенний день 1940 года, когда в Бабаеве мама провожала его в армию.

Это был последний раз, когда он ее видел.

Норвежская внучка

В мае 2014 года в администрацию Санинского сельского поселения Бабаевского района из райвоенкомата перенаправили письмо. Оно было из Норвегии.

«Мой дедушка родом из России, родился и вырос в деревне, – писала некая Эмили (фамилию не указываю по ее просьбе. – **А.К.**). – Когда его призвали на фронт, он попрощался со своей мамой на базар-

ной площади в Бабаеве. Больше он ее не видел... Он ничего о ней не знает, не знает, сколько она прожила и где похоронена... Я хочу ему помочь».

Еще в этом письме Эмили упоминала, что жили они в местечке Slotinski недалеко от Бабаева. Но она сама русским не владеет (переводить письма ей помогает русская коллега по работе), а бабушка за прошедшие десятилетия родной язык подзабыл, да и произношение у него специфическое; вполне возможно, что названия эти по-русски звучат совсем иначе... (Потом, когда мы с Эмили начали переписываться на английском, оказалось, что эти опасения были не напрасны.) В конце концов мы выяснили, Slotinski – это деревня Слатинская, расположенная в стороне от крупных автодорог в 45 километрах от Бабаева (раньше ее называли также Слотинская). Именно в этой деревне Николай Антонов жил со своей мамой с лета 1935 года (в эту глухомань они приехали не по собственной воле – их насильственно переселили из-под Ленинграда) до октября 1940-го, когда его забрали в армию (в армию, а не на фронт!)...

Но прежде следует несколько слов сказать о самой Эмили.

Она шведка, ей 30 лет. Выйдя замуж за норвежца, переехала жить в Норвегию (как она пишет, «до бабушки 6-7 часов езды на машине»). У них двое детей, сын и дочка. Своего первенца она назвала, между прочим, Сандер-Николай... Эмили, как она говорит, «соционом», по-нашему – социальный работник: трудится в офисе, занимающемся нуждами инвалидов, помогает им организовать нормальную жизнь. То есть работает, если оперировать российскими реалиями, в себе.

Воспоминания деда, те самые 36 машинописных страничек, она читала не раз и не два, но, перечитывая их однажды весной, вдруг поняла: ведь это несправедливо, что дед, столько всего переживший и достигший столь почтенного возраста, так ничего и не знает о судьбе своей мамы.

Сначала СССР был для него закрытой территорией. В 90-х годах дяди Эмили сделали первые робкие попытки отыскать следы своей бабушки, но тщетно. В 1993 году, когда наконец появилась возможность навестить покинутую полвека назад родину, Николай Тимофеевич вместе с женой, сыновьями и прочими родственниками, в том числе с маленькой внучкой Эмили – большая компания набралась, человек десять, – отправились в Россию, в Санкт-Петербург, неподалеку от которого в финской деревеньке он когда-то родился. Однако туда, в пограничную зону, не попали – она по-прежнему оставалась закрытой. До Бабаева в тот раз так и не добрались...

Эмили надеется побывать там весной будущего года. Николай Тимофеевич для своего возраста крепок и здоров, но уже не в силах выдержать такое путешествие («Вот если бы десяток лет скинуть», – вздыхает он). Внучка же полна решимости поклониться могиле своей прабабушки, попросить у нее прощения от имени деда, прошептать ей, что у него все хорошо, что он не погиб...

Вот только где та могила?

Когда Эмили задумала отыскать следы прабабушки, то даже не знала, как ту зовут. Дедушка полного имени-отчества не мог вспомнить, он называл ее уменьшительным именем Paula – Паула. Но это на скандинавский манер, а по-русски, вероятно, Поля. Значит, ее могли звать Полина, Аполлинурия, Пелагея...

Полное ее имя и отчество нашлись в бумагах под грифом «Секретно», хранящихся в архиве Отдела по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава Министерства обороны России.

Под грифом «Секретно»

Не будь Интернета, Эмили не смогла бы за короткое время настолько продвинуться в своих изысканиях. А так она вышла на популярный генеалогический портал «Family Space», специализирующийся на поиске родственников. За символические деньги там согласились ей помочь. Стали проверять по выложенным в Интернет базам данных военного и послевоенного времени, не значится ли там житель Бабаевского района Николай Тимофеевич Антонов или члены его семьи.

И нашли.

Есть такой портал «Мемориал» (точнее – ОБД «Мемориал»; obd-memorial.ru), хорошо знакомый всем, кто пытался найти своих родственников. Он был создан нашим Министерством обороны в соответствии с поручением Президента РФ от 23 апреля 2003 г. №пр-698 по вопросам организации военно-мемориальной работы в РФ и Указом от 22 января 2006 года №37 «Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества». Это обобщенный компьютерный банк данных, содержащий информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны.

Создатели портала, к чести их надо сказать, проделали огромную работу: за эти годы отсканирован уже практически весь фонд поступивших из военкоматов донесений, «уточняющих потери». Проблема лишь в том, что бумаги эти скомпонованы так, как подшиты в архивные дела – то есть не по порядку (впрочем, это вина не создателей компью-

терной базы данных, а неразберихи, царившей в архивах Министерства обороны в послевоенные годы). И иногда документы, рассказывающие об одном и том же человеке, отнесены к однофамильцу или человеку со сходным именем-отчеством.

Так получилось и с Николаем Антоновым из Бабаевского района. В базе «Мемориала» есть существующий всего в двух экземплярах любопытный документ под грифом «Секретно». В этом «Списке безвозвратных потерь рядового и сержантского состава Советской армии», подготовленном Бабаевским райвоенкоматом и датированном 28 марта 1951 года, только один военнослужащий – Антонов Николай Тимофеевич. Там указаны его звание, год и место рождения, партийность (коммунистом, кстати, он не был), каким военкоматом и когда призван, а также что его «можно считать пропавшим без вести в июле 1941 года». И самое главное: в графе «Ближайшие родственники» – мать Антонова Пелагея Павловна, проживающая в Ладышкинском сельсовете Бабаевского района.

Документ №390

Итак, ее звали Пелагея Павловна. И, кстати, теперь понятно, почему в «Книге памяти», которая формировалась по данным военкоматов, в качестве места жительства Николая Тимофеевича ошибочно появился Ладышкинский сельсовет, где он никогда на самом деле не был. Просто там, оказывается, жила его мама...

Но позвольте, ведь они обосновались в деревне Слатинская, а это Волковский сельсовет, а не Ладышкинский. Почему же Пелагея оказалась совсем не там, где оставил ее сын Николай?

И второй момент: в той же «Книге памяти» отмечено, что он пропал без вести в октябре 1941-го. А в документе – в июле 1941-го. Почему такая разница?

На обнаруженном «списке безвозвратных потерь» – резолюция: «Запр. дату прекр. связи». А вот ответа на этот запрос о дате прекращения связи нет.

Но мы его обнаружили-таки, проверяя документы на всех Антоновых в той же базе «Мемориала». Это адресованное в Москву письмо №390 от 11 мая 1951 года за подписью бабаевского райвоенкома подполковника Боброва. Очень короткое: «Сообщая, что последнее письмо от военнослужащего Антонова Николая Тимофеевича его матерью было получено в половине июля месяца 1941 года, точного числа мать не помнит» (орфография и пунктуация оригинала сохранены).

Так вот откуда фраза «можно считать пропавшим без вести в июле 1941 года» в первом документе! В качестве даты выбытия обозначали ту дату, которую

указал военком. Но как он это делал? Это сейчас Гражданский кодекс обязывает считать пропавшего без вести человека погибшим только по решению суда и не ранее чем через 5 лет после исчезновения. А во время войны просто-напросто добавлялось примерно месяца три к дате последнего известия или письма от солдата (вероятно, была какая-то секретная инструкция?). И это обозначалось как дата пропажи. А если человек жил на оккупированной территории, эти три месяца добавлялись к дате ее освобождения. Например, последнее письмо от человека пришло в 1941 году, а военком пишет: «Считать пропавшим без вести в марте 1944 года...»

Прибавляем к июлю три месяца – получается октябрь. Вот так волею инструкций и военкома (Боброва?) Николай Тимофеевич Антонов, сам того не ведая, «пропадает без вести» в октябре 1941-го.

Больше никаких документов касательно нашего героя в ОБД «Мемориал» найти не удалось. Нет даже обычного в таких случаях «подворового опроса», который проводили работники военкоматов согласно стандартной процедуре поисков. Кстати говоря, и сама-то процедура поисков запускалась либо по запросу сверху (что мы имеем в этом случае), либо по заявлению родственников. Однако никакого заявления от матери – единственной родственницы – в документах райвоенкомата нет. Трудно поверить, что она не интересовалась судьбой сына, успокоилась, получив извещение, что тот пропал без вести. Особенно после того, как спустя десять лет военные стали задавать вопросы, когда она получала последнее письмо от него...

Между прочим, последнее письмо должны были изъять и приложить к ответу на запрос.

Но этого сделано не было. Сомнительно, что поверили матери на слово. Вероятнее всего, их убедил упомянутый ответ из финского архива, что Николай Тимофеевич Антонов якобы мертв. Во всяком случае, на этом найденном нами документе стоит финальная резолюция: «Учесть проп. б/в».

Так на живом человеке появилось клеймо «пропавший без вести». Но это в документах. А что сказали матери? Что ее сын погиб? Почему она не пыталась больше его отыскать?

Или не пыталась просто потому, что вскоре умерла сама?

И почему, в конце концов, она обитала не в деревне Слатинская, а в Ладышкинском сельсовете?

...В деревне Ладышкино – она одна такая на весь Бабаевский район – вот уже лет 15 никто не живет. От нее остались лишь теснимые лесом развалины нескольких домов. И еще – кладбище за речкой.

На этом кладбище, где хоронили покойных со всех окрестных деревень, прямо у дороги есть одинокая

заросшая могилка со старомодным железным крестом. А на нем – табличка, гласящая, что здесь покоится «Пелагея Павловна» (!), умершая в 1950 году.

Вот только фамилия у Пелагеи Павловны, если верить табличке, отнюдь не Антонова...

О пропавших без вести

Необходимое отступление

СССР(Россия) – единственная страна-участница Второй мировой войны, в которой на государственном уровне не решен законодательно вопрос признания погибшими тех участников боевых действий, на которых нет компрометирующих материалов в архивах спецслужб. Из-за нескольких сот тысяч предателей и перебежчиков остаются с сомнительной репутацией минимум пять миллионов наших дедов и прадедов.

Хотя в части 2 статьи 45 Гражданского кодекса РФ сказано, что «военнослужащий, пропавший без вести в связи с военными действиями, может быть объявлен судом умершим по истечении двух лет со дня окончания военных действий», презумпция невинности не срабатывает. Родственникам «пропавших» даже приходится отвечать на совершенно невероятные требования судов...

Вот конкретный пример из практики Вахитовского районного суда г.Казани, который приводит в письме Президенту РФ историк Михаил Черепанов. В 2011 году, рассматривая заявление сына пропавшего на фронте о просьбе признать отца погибшим, при наличии соответствующих документов из архивов о том, что среди пленных такой не числится, судья потребовал от истца указать обстоятельства, угрожавшие пропавшему без вести смертью, доказать безвестное отсутствие отца 65 лет после Победы и даже произвести опись имущества «пропавшего без вести». И все это продолжалось больше года. А всего-то и надо было оформить в наследство маленький деревенский домик...

27 февраля 2014 года в Общественной палате РФ прошли слушания «О роли гражданского общества в решении задач увековечения памяти погибших в годы Великой Отечественной войны защитников Отечества». Дискуссия развернулась по нескольким проблемам, в том числе рассматривалось предложение признать всех пропавших без вести в годы ВОВ погибшими.

Представители Министерства обороны РФ на это заявили: «У нас есть статистические данные, из-за которых мы выступаем против этого предложения. Масса людей действительно осталась на вражеской территории. А рассмотреть внимательно тех солдат, которые были скомпрометированы,

– с этим мы согласны. Никто не мешает нашей стране выразить акт прощения даже тем, кто оступился тогда. Этот вопрос можно было бы рассмотреть и показать благородство нашей страны».

Но на высшем уровне никаких решений по этому поводу так до сих пор и не принято. Может быть, повяжутся в преддверии 70-летия Великой Победы?..

Могила Пелагеи

В архиве бабаевского ЗАГСа по запросу Эмили обнаружили запись о смерти в 1950–1960-е годы только одной Пелагеи Павловны – но не Антоновой, а Шабановой.

Именно эта фамилия значится на табличке, прикрепленной к железному кресту, который установлен на найденной нами могиле Пелагеи Павловны.

Может, она сменила фамилию?.. Когда Николая Антонова в октябре 1940-го призвали в армию, матери, по его словам, было 49 лет – совсем не старая еще женщина. Почему бы ей не выйти замуж и не сменить фамилию?..

Мы послали фотографию могилы Эмили – она была в шоке. Неужели поиски закончились?..

Увы.

Согласно книге записи актов гражданского состояния, хранящейся в архиве бабаевского ЗАГСа, заявление о смерти Шабановой Пелагеи Павловны подавала ее невестка. А проживала Пелагея Павловна в деревне Сорка, что в пяти километрах от Ладышкина. И, между прочим, это был Соркский сельсовет, а не Ладышкинский (лишь позже, когда сельсоветы укрупняли, в Ладышкинский вошла и Сорка). И еще: Пелагея Павловна Шабанова (в девичестве, как мы полагаем, Иванова) всю свою жизнь прожила в Сорке, там вышла замуж, там родила 6 детей – четырех дочек и двух сыновей. Более того: в Сорке и поныне здравствуют два внука Пелагеи Павловны Шабановой. Одному из них 76 лет, а другому – 88, но бабушку свою они уже не помнят. А фотографий ее у них не сохранилось...

Стало быть, ложный след. Но по крайней мере выяснили, чья это могила. Единственное, что удивляет – почему в архиве ЗАГСа нет данных о кончине других Пелагеев. Впрочем, уже тогда это было не слишком распространенное имя. А кроме того, бабаевский архив за последние 60 лет пережил всякое, в том числе пожар; возможно, другие документы просто утрачены...

Попробуем зайти с другой стороны и проследить жизненный путь Николая Антонова с самого начала. Может, тогда удастся нащупать концы ниточек, которые ведут к его матери.

Свой среди чужих

Если верить официальным документам, Николай Тимофеевич Антонов родился 28 декабря 1921 года. Но сам он говорит, что ему приписали лишний год, чтобы пораньше забрать в армию...

Его настоящая родина была в 48 километрах от Петрограда – на свет он появился на территории, которая с давних пор именовалась Ингрией (или Ингерманландией).

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Ингрия (Ингерманландия, Ижора; фин. Inkeri) – так начиная с XII века называлась область на северо-западе современной России, расположенная по обе стороны Невы между Карельским перешейком и Эстонией. Русское название «Ингерманландия», взятое Петром I для обозначения вновь обретённых земель, происходит от шведского «Ingermanland». Самыми древними жителями Ингрии являлись народности воедь и ижоры, позже здесь поселились финны (до 80% населения).

В середине 1919 года северная часть Ингерманландии провозгласила государственный суверенитет – республику Северная Ингрия со столицей в деревне Кирьясало (северная часть территории современного Всеволожского района Ленинградской области). Но просуществовала Северная Ингрия лишь до декабря 1920 года. Для советской власти эти события послужили поводом воспринимать ингерманландцев как неблагонадежный элемент.

С 1927 года территория Ингерманландии входит в состав Ленинградской области. С 1930-х годов, во время развертывания массового террора в СССР и усиления антифинской кампании, термин «Ингерманландия» исчез из обихода, за его использование даже подвергали репрессиям...

В 1927 году в рамках советской политики «коренизации» на территории Ингерманландии был сформирован Куйвозовский финский национальный район и более 60 финских национальных сельсоветов (и район, и сельсоветы были расформированы в 1939 году). А несколько раньше в этом районе, в деревне Большое Соелово Вуольской волости, и родился Николай Тимофеевич Антонов.

Сам он свою родину никогда не называл так, только по-фински – «Suuri Suojala». Дословный перевод «Большое Соелово» используется в официальных советских документах; правда, в «списке безвозвратных потерь» в качестве его места рождения указана деревня «Б.Соиволо» (в литературе встречается также название «Б.Соэ-

ло»). Жили там сплошь финны – Николай Тимофеевич вспоминает, что их соседями были семьи Пуллинен, Ранталайнен, Олликайсмяки и Ховатта. Из русских там обосновались только Антоновы да председатель сельсовета Мария Иванова, активно участвовавшая потом в «раскулачивании» финнов (эти ее «подвиги» описывали сбежавшие в Финляндию местные жители; их воспоминания опубликованы).

Как Антоновы оказались в финской глуши – непонятно. Да, в ту пору существовала практика в национальные поселения присылать русских должностных лиц, врачей, агрономов, но мать Николая Тимофеевича не принадлежала к элите или интеллигенции – она любила и умела работать руками, на земле, ухаживать за скотиной. Сам Николай Тимофеевич полагает, что родители приехали туда из Петрограда, и даже высказывает предположение, что его отец был революционером, но подвергся гонениям и, чтобы обезопасить своих жену и сына, отправил их жить в эту деревеньку рядом с финской границей... Однако «революционная» версия весьма сомнительна: в своих воспоминаниях – той самой Книжке, надиктованной в 1993 году, – Николай Тимофеевич более сдержан: «На финской границе, где мы жили, в то время творилось много беспорядков, во время одной из заварушек и погиб мой отец». Как бы там ни было, отца Николай никогда не видел, а мать про него не то что не рассказывала, но даже не вспоминала (как и про свою родню). Впрочем, она, по словам Николая, прекрасно ориентировалась в Питере, так что, вполне возможно, когда-то там действительно жила...

В Большом Соелове у Николая с матерью был небольшой деревянный домик на одну семью, два с половиной гектара земли, две коровы и свиньи. С хозяйством мать управлялась в одиночку, Николаю доверяли разве что пасти коров. Те часто забредали в лес, а там проходила финская граница и было полно военных. Один раз Николай с друзьями, разыскивая сбежавших коров, случайно пересекли приграничную полосу, но их остановили пограничники, пожурили и отпустили домой...

В 1928 году либеральность советской власти дошла до того, что в Куйвозовском районе единственным языком образования был провозглашен не русский, а финский. По данным на 1933 год, из 58 начальных школ в районе 54 были финскими. «В школу я пошел семи лет, – вспоминает Николай Тимофеевич. – Ходить в школу надо было за два километра от дома». Преподавали в школе на финском, русский язык начали изучать только через три года, зато по три часа в день. Николай счи-

тал для себя родными оба языка. Мама тоже знала финский, но не настолько хорошо, как он.

Кстати, именно в школе Николай узнал, что отчество у него Тимофеевич...

А еще из школьных лет в памяти остался эпизод, показывающий, насколько все-таки снисходительно педагоги относились к «политическим» подчас шалостям учеников: «Помню, однажды в школе я вздумал прыгнуть с [гипсовым?] бюстом Ленина, но выронил его; грохнувшись об пол, Ленин разлетелся на тысячу кусочков. За это меня оставили после уроков, и я просидел на скамейке два часа после того, как другие дети ушли по домам...»

Отобранная родина

Между тем либеральничала советская власть недолго: уже в 1930 году Куйвозовский район вошел в число территорий, подлежащих сплошной коллективизации, и многих зажиточных финнов угнали в Сибирь, а их большие дома заняли присланные председатели сельсоветов...

Русских Антоновых раскулачивание не коснулось: по сравнению с финнами жили они небогато. Но радовались они недолго. Опасаясь, что граница слишком близко от Ленинграда, а мир с Финляндией довольно хрупок, советские военные задумали расчистить приграничье и возвести целую оборонительную полосу.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Карельский укрепленный район (КаУР) как совокупность фортификационных сооружений начал строиться в 1928 году по Приказу Реввоенсовета СССР №90 от 19 марта 1928 года. Он протянулся на 80 км по Карельскому перешейку от Сестрорецка до Ладожского озера по линии «старой границы». Основу укрепленного района составляли долговременные огневые точки (ДОТы). Всего их построили 196, и они сыграли свою роль в Великую Отечественную: начавшие наступление финны, не желая нести потери при прорыве, остановились, заняв оборону до лета 1944 года на 80-километровой линии фронта от Финского залива до Ладоги... К сожалению, КаУР практически никак не отмечен в официальной истории, потому что вплоть до 1995 года находился в составе действующей армии и на многую информацию был наложен гриф секретности.

Один из таких ДОТов носит неофициальное название «Соеловский» – по ближайшему населенному пункту. Возможно, именно за его строительством наблюдал юный Николай весной 1935

года (он описывает это в своих воспоминаниях). С инспекцией сюда наведалься тогдашний нарком обороны Климент Ворошилов – Николай с друзьями видели, как он раскатывал на открытой машине... А потом все жители Большого Соелова получили две недели на сборы: им объявили, что их переселяют. Стояло лето, в огородах все было посажено, но военных это не волновало: приказ заставить приграничье поступил из самой Москвы.

Всех жителей с нехитрым скарбом на грузовиках отвезли на ближайшую железнодорожную станцию Гризино, что в 8 километрах. Там их распределили по железнодорожным вагонам и, пообещав компенсировать стоимость оставленного имущества (наивные люди поверили), отправили в неизвестном направлении. На самом деле всех переселяли в основном в западные края нынешней Вологодской области (маленькая оговорка: Бабаевский и Борисово-Судский районы вошли в состав Вологодской области только в сентябре 1937-го). На некоторых станциях эшелон останавливался, и те, чьи фамилии выкрикивали военные, выходили.

Антоновых и еще две семьи выкликнули в Бабаеве. Дальше эшелон ушел уже без них. А им до нового места жительства – деревни Слатинская – оставалось каких-то 45 километров...

Николай Тимофеевич больше так и не бывал в Большом Соелове. Даже название это исчезло со всех карт. А ведь селение было приличное – по данным на 1936 год, Соеловский сельсовет насчитывал 252 хозяйства.

Когда в 1993 году Николай Тимофеевич вместе с семьей хотел навестить родные места, их попросту не пустили: территория по-прежнему была запретной зоной. Зато сразу после списания в 1995 году ДОТы перестали охраняться. Постепенно происходит их разрушение и разграбление мародерами и «охотниками» за металлом... Жилых строений там давно уже нет, разве что в расположенном в 4 км поселке Вуолы стоят возле дороги два дома дачников. Песчаный карьер, заросшие холмы, лесные вырубki да маленькое озерцо – вот и все, что осталось от родины Николая Тимофеевича. И еще затаившийся в лесной чаще заброшенный ДОТ «Соеловский». Впрочем, это название условное...

А деревня Слатинская жива и по сию пору.

Чужие среди своих

Слатинская не богата достопримечательностями. Эдакий уютный и чистенький поселок с подновленными деревянными домиками, оживающий главным образом летом, когда наезжают дачники. Местная гордость – родившийся здесь

генерал-майор авиации Николай Павлович Пашков (1916–2002), командовавший эскадрильей, а после войны приложивший руку к подготовке не только летчиков, но и космонавтов.

Сейчас там старожилов почти нет – самая пожилая местная жительница родилась в 1935 году, когда Антоновы приехали в Слатинскую...

Их поселили в большом доме на две семьи. Прежних жителей, уверен Николай Тимофеевич, сослали куда подальше, в лагерь. Тогда в Слатинской было много таких пустых домов. Они ветшали помаленьку без хозяев – в том, куда поселили Антоновых, даже печки не было, пришлось нанимать печника из соседней деревни, а то и готовить было не на чем. Соседями их по дому стала семья по фамилии Krogloff (так в воспоминаниях Николая Тимофеевича; по-русски, надо думать, Кругловы). В этой семье, по словам Николая Тимофеевича, был парнишка по имени Sashka, его ровесник, и его младшая сестренка Maruschka.

Отнеслись к новоприбывшим хорошо, душевно, помогли чем могли. Работали все местные в колхозе «1 Мая». Туда же приняли Антоновых...

Но это все – со слов самого Николая Тимофеевича. Однако есть и документальное тому подтверждение.

В архивном фонде Волковского сельсовета Бабаевского района (сейчас он находится в Череповецком центре хранения документов) в похозяйственных книгах деревни Слатинская (тогда – Слотинская) и колхоза «1 Мая» за 1938–1939 годы (книжки за более ранние годы на хранение в центр не поступали) значатся «Антонова Пелагея (отчество не указано), 1885 года рождения, глава; Антонов Николай (отчество не указано), 1920 года рождения, сын». В таких же записях за 1940–1942 годы у Антоновой Пелагеи год рождения почему-то становится 1884-м. Ту же Антонову Пелагею (без указания отчества и с 1884 годом рождения), но уже без сына находим в записях за 1943–1945 годы. А вот в записях за 1946–1948 годы появляется Антонова Пелагея Ивановна (так в документах!), 1884 года рождения. В записях же за 1949–1951 годы есть Антонова Пелагея Ивановна, 1885 года рождения, няня (!). Имеется отметка – хозяйство выбыло в деревню Ладышкино в августе 1950 года.

В частично сохранившихся похозяйственных книгах деревень Слатинская Волковского сельсовета и деревни Ладышкино Саннинского сельсовета Бабаевского района за 1952–1963 годы сведений об Антоновой Пелагее нет.

Та ли это Пелагея? Маловероятно, что в деревне сначала жила одна Пелагея Антонова, а потом появилась другая. Бросается в глаза также рас-

хождение в годах рождения и ее, и Николая. Скорее всего, в сельсовете, внося эти записи, просто ошиблись. Да и с возрастом самой Пелагеи нестыковка: получается, она старше, чем считает Николай Тимофеевич.

Но почему Ивановна, а не Павловна? Или ошиблись в военкомате (существует только один документ, где мать Николая Тимофеевича названа по отчеству – Павловна)?

А что, если попробовать найти их соседей – тех самых Кругловых с сыном Сашкой и дочкой Маруськой?

Деревня пропавших без вести

Сейчас никаких Кругловых в Слатинской нет. Но на их след нам удалось выйти, просматривая... те же списки пропавших без вести во время Великой Отечественной, в которых до сих пор значится Николай Тимофеевич Антонов.

В этих списках есть два Кругловых родом из Слатинской – Григорий Федорович, 1922 года рождения, и Алексей Федорович, 1922 года рождения. Указана и живущая в Слатинской их мать – Круглова Параскева (представляете чувства матери, потерявшей без вести двух сыновей?..).

Параскеву Круглову местные вспомнили! Надежда Кирилловна Богданова, всю свою жизнь прожившая в Слатинской (она 1939 года рождения; по злой иронии судьбы ее отец, Кирилл Петрович Калачев, тоже пропал без вести в Великую Отечественную; получается, если считать с Николаем Антоновым, 4 человека из одной деревни пропали во время войны без вести!), а потом и ее старший брат рассказали нам про Кругловых. Семья оказалась многодетной. Кроме старшего Григория, уехавшего в Иваново, и учившегося в Бабаеве Алексея, был у них еще один сын, 1924 или 1926 года рождения, – Александр, то есть Сашка (говорят, он после смерти матери спился, а потом по пьяни повесился на спинке собственной кровати), и дочери, в том числе Мария (Маруська!) и самая младшенькая (родилась после 1935 года) Катя. Старое кладбище, где похоронены и сама Параскева, и Сашка, давно распахано... Жива, быть может, лишь самая младшенькая, она в свое время уехала жить в Караганду, и связь с ней прервалась...

А потом нам показали пустующий сейчас дом, где жили Кругловы (и, стало быть, Антоновы; раньше вместо хлева была жилая половина, на вторую семью; именно в той не сохранившейся половине ютились Кругловы) – он чудом уцелел после страшного пожара в августе 1944 года, когда сгорела почти вся Слатинская, отстоять

удалось лишь несколько домов. Тогда, кстати, и начали разъезжаться из нее погорельцы.

Но Пелагея Антонова осталась. Уехала она, согласно документам, лишь в августе 1950-го. Уехала в деревню Ладышкино. Может, вести хозяйство одной ей стало не под силу и она устроилась туда в какую-то семью в качестве няни?..

Николай Тимофеевич о слатинской поре своей жизни вспоминает не так уж много: помогал матери, потом работал на лесоповале, плотогоном на большой реке Суда... Кстати, однажды за опоздание на работу Николая и еще одного несовершеннолетнего парня отправили на штрафные работы – чистить от топляков русло реки. От более жесткого наказания Николая спасло то, что 18 октября 1940 года его призвали в армию...

А 8 июня 1942 года, если верить обнаруженному нами документу, попавший в плен к финнам Николай Тимофеевич Антонов... умер в лагере №6 от «желудочной болезни».

Выборгский пленный

Согласно официальным данным, с 1941-го по 1944 год в финском плену побывало около 64 тысяч советских солдат и офицеров, из них более 18 тысяч – погибло. Кого-то расстреляли, но большинство умерли своей смертью – в основном от недоедания. В качестве причины смерти в этом случае указывалось обычно «желудочное заболевание».

В Государственном финском архиве составлены (и уточняются по сию пору) списки советских военнопленных и гражданских лиц, умерших в лагерях. В одном из таких списков, продублированном на специализированном ресурсе kponos.narc.fi, мы и нашли уроженца Ленинградской области (подробностей нет) Николая Тимофеевича Антонова – узника лагеря №6 (он располагался в Выборге), скончавшегося 8 июля 1942 года от того самого «желудочного заболевания». С данными Николая Тимофеевича, который живет сейчас в Швеции, не совпадает только год рождения – 1901-й, а не 1921-й. Что вполне может быть ошибкой.

Советская сторона вела собственный учет погибших. В уже упоминавшейся нами базе документов Минобороны «Мемориал» есть подготовленный в июне 1945 года список на 18318 советских военнопленных, сгинувших в Финляндии, а в этом списке – расширенные данные на умершего в 1942 году Николая Тимофеевича Антонова. Он родился 4 февраля 1901 года в деревне Заполье Зарчевского сельсовета Окуловского района Ленинградской области, а в плен попал 5 сентября 1941 года.

То есть это не «наш» Николай Тимофеевич. Совпадение. Но в финских-то списках таких подробностей нет, там «уроженец Ленинградской области». А следовательно, могли перепутать. И потом, в 1950-х годах с чистой совестью ответить на запрос нашего Минобороны, что разыскиваемый Николай Тимофеевич Антонов умер.

В общем-то, даже неправдой это назвать нельзя. Просто это не та правда.

«Наш» Николай Тимофеевич тоже попал в финский плен, но еще раньше, 20 августа 1941 года, не прослужив в Красной армии и года.

Три смерти Николая Тимофеевича

Из Бабаева призывника Антонова отправили в учебную часть в карельском городке Олонце. Там, по воспоминаниям Николая Тимофеевича, их учили ходить строем, обращаться с оружием и вдалбливали, что если попадете в плен, оставьте последний патрон для себя...

Зимой начались учения. Тогда он «умер» в первый раз. Во время одного из лыжных походов Николай обморозил обе ноги и угодил в госпиталь. Боли были адские, он фактически прощался с жизнью. Речь уже заходила об ампутации... Его спасли самоотверженность врачей и специальная лампа, которой облучали ноги. Провалился он там до весны, но все-таки вернулся в часть на своих двоих (правда, ноги побаливают с той поры).

Про то, что фашисты напали на Советский Союз, Николай вместе с товарищами узнал из сообщения по радио, когда обедали в столовой. Потом их всех выстроили на плацу и сказали, что часть перебрасывают поближе к границе с Финляндией. Но до границы так и не добрались: 31 июля 1941 года после короткой артиллерийской подготовки и при поддержке немецкой авиации II армейский корпус финнов перешел в наступление.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. В финской историографии для этих событий используют термин «война-продолжение», подчеркивая имеющуюся, по мнению финнов, прямую связь с Зимней войной 1939–1940 гг.; наши историки считают эти военные действия частью агрессии фашистской Германии, союзником которой выступила Финляндия. В течение июля-августа 1941 года финская армия заняла все территории, которые ранее отошли к СССР по итогам Зимней войны. Но затем финны оккупировали никогда им не принадлежавшую восточную Карелию, а отдельные части помогали немцам держать кольцо блокады вокруг Ленинграда. Правда, дальше многие финны идти не захотели, и поэтому

стабилизировавшаяся к концу 1941 года линия советско-финского фронта сохранялась в таком виде вплоть до лета 1944 года. Искать пути к перемирию Финляндия начала раньше, сразу после поражения немцев под Сталинградом. 4 сентября 1944 года вступил в силу приказ финского главного командования о прекращении боевых действий по всему фронту. Соглашение о перемирии было подписано в Москве 19 сентября. Немцы, большие силы которых размещались на севере Финляндии, не пожелали покидать страну, и в результате финская армия уже совместно с Красной армией повела против них боевые действия, закончившиеся только в апреле 1945 года. Окончательный мирный договор между Финляндией и СССР был подписан в Париже 10 февраля 1947 года.

...Финнам противостояла 23-я армия, которой командовал генерал-лейтенант Петр Пшенников. Из-за быстрого продвижения финской армии многие части оказывались в «котлах» – в окружении. Чтобы сберечь живую силу, командование приняло решение отступить и вывезти всех на катерах по Ладожскому озеру в районе острова Валаам.

Этот день, 20 августа 1941 года, Николай Тимофеевич не забудет никогда. Он говорит, что никакого организованного отступления не было – все просто бежали к озеру под сплошным огнем. Некоторым, в том числе и Николаю, удалось вскарабкаться на плоты, но и там их доставали вражеские пули и снаряды, люди гибли или оказывались в воде. Чтобы не утонуть, бросали все – одежду, оружие... В конце концов Николай в одном исподнем, промокший и без винтовки, кое-как выбрался на берег и втиснулся в щель в скале. Оттуда он видел, как советские катера, которые должны были их забрать, не смогли подойти ближе к берегу и, бросив их на произвол судьбы, скрылись из виду. Канонада не смолкала, но Николай уже ничего не слышал – он обессилел настолько, что... заснул в своей щели. А может, потерял сознание.

Так он «умер» во второй раз.

А очнулся от того, что промерз до костей. Когда он выбрался из щели, все было кончено, на берегу и в воде не осталось уже никого живого. Возле самой кромки воды лежал мертвый советский майор. Николай стащил с него одежду, напялил на себя, чтобы согреться. Хотел взять и пистолет, но там не было патронов.

Николай пошел дальше по берегу и вскоре увидел двух финских солдат, стоявших к нему спиной. Он вспомнил про «последний патрон для себя», но у него не было ни патронов, ни оружия. Тогда он решил: пусть эти финны сами застрелят

его. И заговорил с ними – на финском, которым владел в совершенстве.

Финны, услышав родную речь, удивились и не стали стрелять, а отконвоировали Николая к своему командиру. Тот, узнав, что Николай говорит и по-фински, и по-русски, предложил стать переводчиком – в плен попало около двух тысяч советских солдат и с ними надо было как-то общаться. Николай подумал, что так он сможет помочь пленным, и согласился.

Его отправили в захваченную Хийтолу. Там царил такая неразбериха, что ему даже не присвоили номер, как всем военнопленным. Но конвойного к нему приставили. Когда требовалось, Николай переводил, в другое время его использовали на хозяйственных работах.

А потом, где-то год спустя, ему предложили вступить в финскую армию, посулив финское гражданство.

Собственно, сотрудничая с захватчиками, по законам военного времени он, у которого фактически было две родины – СССР и Финляндия, – уже стал в глазах советских властей изменником. Вспомним хотя бы такой факт: когда оказавшийся в финском плену, но сбежавший оттуда брат автора «Василия Теркина» Александра Твардовского Иван вернулся в СССР в 1946 году, ему, невзирая на побег и именитого брата-поэта, без разговоров дали 10 лет исправительно-трудовых работ... Хорошо еще, что не расстреляли.

У Николая Тимофеевича не было выбора.

Так он «умер» в третий раз.

Номер С-867

Вообще-то, в финскую армию русских не принимали, отправляли в обычные лагеря. Но Николай говорил на финском как на родном, родился в финской деревне. К тому же очень скоро после пленения он (для страховки?) поменял фамилию на финскую, а тогда пленным верили на слово. Тогда очень кстати вспомнились ему и соседи-финны по Большому Соелову, чьи фамилии, должно быть, с его подачи внесли в документы как его ближайших родственников – «двоюродных сестер».

А помимо документов, он получил и номер, который позже будет фигурировать в «списках разыскиваемых» МВД Финляндии, – С-867. Общий принцип присвоения номеров, которые при дальнейшем перемещении пленных не менялись, был такой: первой буквой или буквой с цифрой кодировался номер лагеря, «принявшего» пленного, а дальше через дефис шел порядковый номер. Буква «С» означала лагерь №21, расположенный в городке Савонлинна.

Там (вернее, в нескольких километрах от цент-

ра города, в местечке Ахолахти – ныне это знаменитый лыжный курорт) и оказался русский «финн» Николай Антонов (точнее – уже не Антонов), вступивший в финский Братский батальон №3 и направленный на несколько месяцев проходить курс начальной подготовки, практически ничем не отличавшийся от того, который он прошел в «учебке» Красной армии в Олонце.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. В июле 1941 года от Верховного командования Финляндии поступил приказ организовать для военнопленных ингерманландцев и карелов отдельный лагерь. Так был создан в Савонлинна лагерь №21 «для родственных народов», которых в дальнейшем предполагали сделать жителями захваченной восточной Карелии. К концу 1941 года в лагере было 407 человек, которые находились в лучшем положении по сравнению с другими – получали более высокую продовольственную норму, а на рукавах у них была повязка с надписью «хеймокансалайнен» – «представитель родственного народа».

В ноябре 1942 года маршал Маннергейм одобрил создание из пленных Heitorataljoona 3 (с финского переводится как Соплеменный батальон №3, но встречаются и другие названия – Родственный, Братский). Аналогично был создан Братский батальон №6, но только из финнов, оказавшихся в немецком плену; фактически это была одна из частей германских войск, хотя и использовался он только на строительных работах. Поначалу никто не собирался посылать на фронт и Братский батальон №3, но немцы настоятельно советовали это сделать (по примеру армии Власова). По мнению командования, Братский батальон №3 должен был сам воевать за свое освобождение. Численность его была, по одним данным, 1070, по другим – 1115 человек, из которых 837 ранее служили в Красной армии. В батальон подбирались люди на добровольной основе, внушающие доверие, понимающие финский язык, но не служившие в Красной армии на офицерских должностях, не являвшиеся политработниками или коммунистами. Тем не менее их надежность проверялась в особом лагере Ахолахти, где служба безопасности внедрила в батальон своих людей и вскоре, кстати, раскрыла целый заговор собравшихся бежать бывших советских солдат.

В мае 1943 года Братский батальон №3 был переброшен на Карельский перешеек и через три недели направлен на передовую, но показал себя ненадежным в бою – из его рядов на сторону русских перешло много солдат. Поэтому летом 1944 года батальон вывели из состава прифронтовых подразделений.

...На фронте, куда попал в составе Братского батальона №3 после «учебки» Николай, было довольно спокойно, лишь изредка случались, как бы мы сказали теперь, провокации. Однажды Николая отправили ночью в передовой дозор на холм. Ему почудилось, как кусты зашевелились, – и вдруг оттуда раздалась автоматная очередь. Николай наугад пальнул в ответ – это был, пожалуй, единственный раз, когда ему довелось стрелять не по мишеням. На помощь подоспели финны, началась перестрелка, но Николай в ней уже не участвовал – та, первая очередь раздробила ему кость на руке и прошла живот.

И снова его спасли врачи, на сей раз финского госпиталя. Но на этом, собственно, его «военная карьера» и закончилась, так и не успев по-настоящему начаться.

Преданные

Осенью 1944 года, когда Финляндия вышла из войны и подписала мирный договор с СССР, среди солдат Братского батальона №3 началась паника. Параграф 10 этого договора (в Парижском мирном договоре 1947 года его аналог – статья 9) гласил: «Финляндия обязуется без промедления вернуть Высшему военному командованию (Советского Союза) всех находящихся на данном этапе советских и родственных по языку пленных, а также всех тех советских граждан и граждан Объединенных Наций, которые были интернированы и насильно увезены в Финляндию, для отправки их в дальнейшем домой...» За исполнением этого пункта должна была следить специальная Контрольная комиссия, которую в СССР возглавил А.Жданов. Сроку давался месяц.

55 тысяч ингерманландцев, покинувших СССР, вернулись добровольно, а вот военнослужащих 3-го и 6-го Братских батальонов предлагалось вернуть в принудительном порядке. Финские власти, сразу «забывшие» про обещание предоставить гражданство, привлекли к делу военную полицию, которой вменили в обязанность разыскать бывших солдат упомянутых батальонов, посадить их в поезда и отконвоировать в специальные лагеря для интернированных на границе с СССР. (Потом тех, кто служил в 3-м батальоне, наши отправили в сортировочные лагеря в Казахстане и Средней Азии, а тех, кто служил в 6-м, – в Сибирь, «навесив» срок «за измену Родине».)

Николай Тимофеевич, которого тоже отправили в перевалочный лагерь на границе, все правильно понял и не стал дожидаться приговора. Охраняли финны этот лагерь спустя рукава (говорят, что

власти приказали им не стрелять по бывшим «своим»), и Николаю с товарищем удалось бежать.

Об их дальнейших приключениях можно было бы снять целый фильм – как, например, они прятались в стоге сена, как пересекали шведскую границу... Как бы там ни было, у этого фильма был счастливый конец – Николай, сменив уже и имя, осел в Швеции, обзавелся семьей, детьми...

Контрольная комиссия особенно тщательно искала служивших в 6-м батальоне, а не в 3-м. Тем не менее вплоть до 1953 года МВД Финляндии исправно включало всех найденных военнослужащих 3-го батальона в «списки разыскиваемых лиц», хотя и знало, что, по некоторым данным, 600-800 человек, не рискнувших вернуться в СССР, нашли убежище в Швеции. Между прочим, есть сведения, что многим из них сами финские власти помогли бежать, а в Швеции обеспечили работой. Большинство же документов о военнопленных, особенно протоколы их допросов, волшебным образом... потерялось.

А в то же время в СССР, в Бабаевском районе Вологодской области, бесследно исчезла Пелагея Антонова.

Была – и нет

Напомним: есть документальное свидетельство, что в августе 1950 года Пелагея Ивановна (?) Антонова переехала из Слатинской в деревню Ладышкино. Сотрудники военкомата встречались с ней (вернее, с Пелагеей Павловной Антоновой) весной 1951 года, и тогда она жила именно в Ладышкинском сельсовете (в который тогда входило порядка 20 деревень). А с 1952 года о Пелагее больше нет никаких данных ни в одном архиве. Как не нашлось и живых свидетелей ее существования.

Мы можем только гадать, что с ней произошло. Вот, например, такая версия.

В 1942 году на базе Ладышкинской средней школы был открыт детский дом для эвакуированных из Ленинградской области. С декабря 1949 года его директором была... родная бабушка автора этого материала Татьяна Михайловна Антонова (однофамилица Пелагеи). Согласно записи в ее трудовой книжке, в августе 1951 года детдом расформировали, а воспитанников перевезли в другие детдома. Но педагоги и воспитатели остались работать в Ладышкинской школе...

Если помните, у Пелагеи Антоновой из Слатинской была пометка: «няня». А что, если предположить, что она, не в силах больше вести хозяйство в одиночку – годы все-таки, – прознала о детдоме и

* * *

переехала в Ладышкино, чтобы работать в нем нянечкой или воспитателем? Тем более что там было своего рода общежитие для педагогов...

К сожалению, подтвердить или опровергнуть эту версию пока не удалось: зарплатных ведомостей того периода не найти, педагогов уже давно нет в живых, а в 2011 году ушла из жизни и та, кто точно должна была знать Пелагею, – моя бабушка Татьяна Михайловна. В ее опубликованных воспоминаниях много имен и фамилий воспитателей и воспитанников, но Пелагеи среди них нет. Ученики и педагоги Санинской школы (туда переехала Ладышкинская) пытались восстановить историю детдома, собирали свидетельства очевидцев, но и там нет упоминаний про Пелагею. Те воспитанники детдома, с которыми нам удалось встретиться, тоже не могли припомнить никакой Пелагеи, хотя одна из бывших воспитанниц, Жермина Анатольевна Коротышева, и сказала, что вроде бы была у них пожилая няня по имени Поля...

Говорят также, что в Ладышкине, где жилых домов, кроме зданий школы-детдома и магазина, было всего 4-5, жила некая Пелагея Ивановна Додонова, а в другой деревне Ладышкинского сельсовета, Зубовской, – Пелагея Павловна Акимова. Но это были коренные местные жительницы, а не переселенцы из Слатинской...

Удастся ли узнать о дальнейшей судьбе Пелагеи Антоновой – большой вопрос. Она как призрак: никто ее не видел и не помнит. Но искать ее надо уже не в Ладышкине. Возможно (скорее всего!), она покоится в одной из многих безымянных могил на том кладбище за речкой...

Чтобы не было пересудов: это история не столько о советском солдате, вынужденно служившем в армии противника, сколько о ней – матери, потерявшей на войне сына. Оставим идеологию. По-человечески очень хочется, чтобы сын нашел свою мать.

Она так и не узнала, что он не только остался жив, но и обзавелся прекрасной семьей в Швеции: вернулся он в СССР – давно бы сгинул.

Она так и не узнала, что ее судьба небезразлична правнучке Эмили, живущей в Норвегии, а вот в современной России до нее почти никому нет дела.

Она так и не узнала, что в Швеции готовится пойти в школу ее прелестная шестилетняя праправнучка по имени Мерседес-Пелагея, названная в ее честь...

Но все это также значит, что прожила она свою, казалось бы, незаметную жизнь не зря.

Автор выражает признательность за помощь в работе над материалом внучке Николая Тимофеевича Эмили, добровольным помощникам Любове, Николаю и Александру Антоновым, жителям деревни Слатинская Надежде Кирилловне Богдановой (Калачёвой), Александру и Жанне Богдановым, библиотекарю Светлане Васильевой, а также всем, кто помогал в поисках. Если у читателей есть что дополнить, если кто-то знал Пелагею Антонову – большая просьба откликнуться!

E-mail: alex-kudr@mail.ru

□

Алексей Анатольевич КУДРЯШОВ

родился в 1969 году в городе Соколе Вологодской области.

Окончил факультет журналистики СПбГУ,

работал в областной прессе –

от специального корреспондента до главного редактора.

В настоящее время – ответственный секретарь вологодской областной газеты «Премьер – новости за неделю».

Помимо журналистики, занимался остросюжетной прозой и переводами с английского.

Публиковался в газетах и журналах Вологодской области

и Санкт-Петербурга, переводы выходили

в книгах московских и петербургских издательств.

Член Союза журналистов России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

